

УДК 821.161.1

**СТАНОВЛЕНИЕ ДУШИ АВТОРА ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
(на материале русской литературы XIX века)**

© 2010 г.

С.С. Николаичева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

svetlananikolaicheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.04.2010

Рассматриваются мотивы одиночества и власти воспоминаний, которые непосредственно влияют на становление души автора дневниковых записей, что впоследствии приводит к глубокой рефлексии, самоанализу главного героя.

Ключевые слова: автор дневниковых записей, одиночество, воспоминания, рефлексия.

Ведущей функцией дневника является раскрытие не столько «истории жизни», сколько «истории души». Обращение к дневнику, как правило, происходит в момент интимного общения с самим собой. Это психологическая необходимость, вызванная следующими обстоятельствами (данное положение относится как к писательским дневникам, так и к дневникам литературных героев): 1) ограниченностью в общении, духовным одиночеством, скукой; 2) потоком воспоминаний, которые внезапно овладевают душой автора дневниковых записей; 3) рефлексией – желанием «заглянуть в себя».

Перечисленные условия, способствующие появлению личных записей, «действуют» как отдельно (т.е. одно из них может доминировать в той или иной степени, на различных этапах составления дневника), так и комплексно. Подробнее остановимся на каждом из обозначенных обстоятельств.

Одиночество – это состояние, которое, как правило, свойственно человеку в моменты душевных волнений, дум, размышлений. Тогда он остаётся наедине с самим собой, вступает в диалог, задаётся вечными насущными вопросами, связанными с осмыслением своего места в мире. Внешне такой человек может выглядеть вполне счастливым и успешным: у него есть друзья, близкие, любимое дело, но, если мы заглянем вглубь, то увидим ранимую душу, стремящуюся найти родственную душу.

Например, повествование в психологическом этюде А.Н. Радищева «Дневник одной недели» наполнено грустью, унынием, страданиями, скорбью человека, невольно оставшегося одиноким: *О возлюбленные мои! вы меня оставили* [6: 4]. Безымянный герой тоскует по друзьям, недавно уехавшим от него, и живёт лишь надеждой на их скорейшее возвращение. Но за этой тривиальной событийной канвой виден характерный для сенти-

ментализма и психологической прозы острый конфликт между умом и сердцем, который переживает герой. Оставшись в одиночестве, он отдаётся душевным мукам, переосмысляет минувшее, а потому желает видеть будущее в новом свете, нежели видел прежде. Дневник с его имманентной исповедальностью наглядно позволяет увидеть этот внутренний переход от ума к сердцу – победу чувств над разумом, мира духа над миром материальной повседневности.

Подобная ситуация одиночества ярко и наглядно представлена, на наш взгляд, в хронике Н.С. Лескова «Соборяне». Главный герой, Савелий Туберозов, внешне счастливый в браке, не ощущает духовной гармонии: *Да, одинок! Всемирно одинок!* – произносит он [4: 203]. Но если в первом случае одиночество «естественное», герой ограничен в общении, то во втором – оно «общественное»; персонажем, который включён в социум, активен в общественной жизни города, движет жажда быть понятым, услышанным окружающими. Он оказывается «всемирно одиноким» среди множества людей, внешне близких ему, но внутренне, духовно, бесконечно далёких, что рождает мировоззренческий конфликт героя, желание изменить данную ситуацию, найти те самые родственные души, которые он ищет, но пока не находит. Единственное, что ему остаётся, – писать дневник, где подобной родственной душой становится для него его собственная. От этого проблема одиночества не становится менее острой, но приобретает черты внутреннего осмысления, что повышает шансы и на её внешнее, «общественное» разрешение.

Встречаются и такие случаи в русской литературе, когда автором дневника первоначально движет только скука. Главный герой повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» – Чулкатурин, выходец из семьи разорившихся богатых помещиков. Он постоянно заостряет внима-

ние на своём социальном положении, поскольку по причине собственной бедности он не может, на его взгляд, найти признание в семье Ожоговых, в чью дочь он безумно влюблён. Героя мучит скука, безделье, неуверенность в собственных силах: ... *повесть, что ли, сочинить – не мое дело; рассуждения о предметах возвышенных – мне не под силу; описания окружающего меня быта – даже меня занять не могут; а ничего не делать – скучно; читать – лень* [8: 166]. В результате, оказываясь «лишним» не только по отношению к окружающим, но и к самому себе, Чулкатурин берётся за дневник, в котором пытается растворить свою скуку и сопутствующее ей одиночество. Оно угнетает его, не стимулирует к активности, к действиям, направленным на изменение тяготящих его обстоятельств, бессильным заложником которых он сознательно становится.

Необходимо отметить, что именно одиночество нередко выступает стимулом к появлению воспоминаний. Воспоминания – это своеобразное отражение нашей памяти, которое время от времени возникает в сознании человека. Они могут быть радостными, приятными или наоборот – печальными: сопровождают унынием, тоской, грустью и связаны с осмыслением прошедшего или настоящего. Воспоминания являются центральной частью практически каждого дневника, выступают теми значимыми образами прошлого, на основе которых герои пытаются осмыслить настоящее и спрогнозировать будущее. В связи с этим роль воспоминаний трудно переоценить.

Так, например, А.И. Герцен вскоре после опубликования «Записок одного молодого человека» в мае 1842 года пишет о силе и значении воспоминаний: *Есть благо, которого власть отнять не может, – это воспоминания... Тут-то раздаётся грудь, и человек бесконечен в своём блаженстве. Но в этой среде долго нельзя удерживаться, жизнь утягивает в свою прозаическую диалектику, хочет поставить изнанку возле лицевой стороны* [5: 239]. Такой же способностью погружаться в воспоминания Герцен наделяет и своего героя в «Записках одного молодого человека». Воспоминания для юноши явились чем-то радостным, приятным, ассоциировались со светлыми чувствами: *О, с каким восторгом встречу я каждое воспоминание... Выходите ж из гроба. Я каждое прижму к сердцу и с любовью положу опять в гроб...* [2: 259]. Черты писателя проступают в его герое, с трепетом погружающемся в воспоминания, что наглядно демонстрирует перед нами многогранную картину становления души автора дневниковых записей, – где за каждым чувством и движением персонажа стоит реальный прообраз его создателя. Иными словами, становление души автора дневниковых записей – двуединый процесс, у которого всегда два главных действующих лица: писатель и его персонаж. За душой героя

стоит душа его создателя, а потому, изучая внутренний мир персонажа в дневнике, мы постигаем и духовное измерение создавшего его писателя.

В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» главный герой Печорин относится к своим воспоминаниям как к чему-то возвышенному, святому: *Ведь этот журнал пишу я для себя, и, следовательно, все, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием* [3: 247]. Подобная мировоззренческая установка формирует у читателя предсуждение о важности излагаемого в дневнике материала. Воспоминания героя, тем самым, являются значимыми не только для него и создавшего его автора, но и становятся таковыми для равнодушного читателя, который благодаря им ближе соприкасается с внутренним миром персонажа. В результате через призму воспоминаний в дневнике во многом проступает индивидуальность его создателя – вымышленного (персонажа) и реального (автора).

В повести Бестужева-Марлинского «Аммалатбек» одноименный герой уподобляет воспоминаниям мечтаниям: *Вот летопись моего сердца... – скажу я ей. – Погляди сюда: в такой-то день я то-то о тебе думал, в такую-то ночь я вот как видел тебя во сне! По этим листкам, как по чёткам алмазным, ты можешь считать мои воздыхания, мои по тебе слёзы. О милая, милая! Ты не раз улыбнёшься моим причудливым мечтам; они дадут надолго пишу разговорам нашим!*... [1: 283]. Здесь воспоминания-мечтания выступают, с точки зрения героя, духовной пищей для последующих бесед и размышлений, так они из прошлого вплетаются в настоящее, а потому влияют и на будущее. Эти воспоминания изначально имеют адресата, но даже в случае отсутствия такового, когда герой пишет дневник только для себя, они зачастую приводят к самоанализу, вырастающему на их почве.

Воспоминания, таким образом, становятся материалом, фоном, основой для последующей за ними рефлексии. События, переживания, чувства нуждаются в анализе, взгляде на себя со стороны, переосмыслении. Рефлексия свойственна многим героям, которых авторы наделяют способностью вести дневник (Печорину, Савелию Туберозову, Аммалат-беку и другим). Но традиционно к одному из самых ярких рефлексизирующих героев справедливо относят Печорина.

Здесь уместно обратиться к рассуждению литературоведа Е.Е. Соллертинского о проблеме рефлексии данного героя: «Мне кажется заблуждением мнение, будто Печорин подвергает себя, свои состояния анализу. Вовсе нет! Он только констатирует, не понимая ни причин, ни следствий того, что в себе находит. <...> Он бесконечно вглядывается в себя, обвиняет своё общество и время в искажении природы и т.п. Всё это, конечно, верно, но никак не помогает ответить на вопросы:

что же делать? Печорин, кажется, и не задаётся таким вопросом. Следовательно, говорить об анализе, самоанализе, связанном с разложением понятия, как мне кажется, нет смысла и оснований. Лучше говорить о рефлексии, рационалистичности, глубоко проникающей в сознание и поступки Печорина» [7: 87–88].

Необходимо внести определённую ясность в употребление терминов «анализ» и «рефлексия». Во-первых, в понимании Е.Е. Соллертинского они представляют собой совершенно разные вещи: рефлексия лишь синоним рационалистичности, способности «трезво» взглянуть на вещи; анализ – самоанализ, т.е. критичный взгляд в глубины собственной личности и всего, что с ним связано. В современном литературоведении даётся иное истолкование: рефлексия понимается как анализ, точнее самоанализ, а также как размышление о своём внутреннем состоянии, т.е. рефлексия – именно анализ самого себя, а не просто рациональный взгляд на вещи. Во-вторых, исследователь обозначенной проблемы утверждает, что Печорин не способен на осознание причин своих поступков, что он не задаётся вопросом «что делать?». В данном случае достаточно вспомнить, хотя бы такой часто приводимый пример – запись перед дуэлью, где внимание Печорина как раз привлечено к сущностным вопросам: «...> зачем я жил? для какой цели я родился?.. [3: 268]. Безусловно, в этом контексте нет конкретного вопроса: «что делать?». Способность героя на анализ собственного внутреннего мира, разделение своей жизни на отдельные составляющие опровергать не приходится, всё предстаёт наглядно.

Интересна в данном контексте также точка зрения А.Б. Есина: он называет страницы дневника Печорина не «эгоистической рефлексией» или

«самокопанием», останавливающими действительную жизнь, а «воспитанием души». Действительно, дневниковые записи Печорина воспитывали и воспитывают духовный мир героев своего времени и по сей день, что объясняется тесным слиянием сознания читателя и «вневременного» персонажа, последнее же достигается во многом за счет использования жанра дневника.

В результате перед нами выстраивается стройная цепочка обстоятельств и факторов, которые становятся движущей силой в создании дневниковых записей, в процессе становления души их автора: одиночество – воспоминание – рефлексия. Вышеперечисленные феномены взаимосвязаны между собой, причём каждое последующее не только порождается предыдущим, но и сосуществует с ним в дальнейшем. Душа автора дневника, испытывающая подобные переходные, поэтапно сменяющие друг друга состояния, постепенно приоткрывается перед ним самим и перед нами.

Список литературы

1. Бестужев-Марлинский А.А. Повести. М., 1986.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 1. М., 1954.
3. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1953.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. 4. М., 1957.
5. Нович И.С. Молодой Герцен: страницы жизни и творчества. М., 1986.
6. Радищев А.Н. Избранные сочинения. М., 1949.
7. Соллертинский Е.Е. Русский реалистический роман первой половины XIX века. Проблемы жанра. Вологда, 1973.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 4. М., 1980.

THE SHAPING OF THE SOUL OF THE DIARY ENTRIES' AUTHOR (BASED ON THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 19-TH CENTURY)

S.S. Nikolaicheva

The article deals with the motives of loneliness and the power of memories, which directly affect the shaping of the soul of the diary's author. Subsequently, this leads to a deep reflection and introspection of the main character.

Keywords: author of diary entries, loneliness, memories, reflection.